

ТОРИ МАЙРОН

На поведу у
СЕРДЦА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(2РОс=Рус)-44

М14

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

В книге присутствуют упоминания социальных сетей
(Instagram, Facebook), относящихся к компании
Meta, признанной в России экстремистской
и чья деятельность в России запрещена.

Художественное оформление — *В. Давлетбаева*
Иллюстрации на вкладке — *Digital Wizards*
Иллюстрации на форзаце и нахзаце —
Оксана Нагина

Майрон, Тори.

М14 На поводу у сердца: [роман] / Тори Майрон. —
Москва: Издательство АСТ, 2026. — 640 с. : ил. —
(Опасные объятия).

ISBN 978-5-17-189851-9

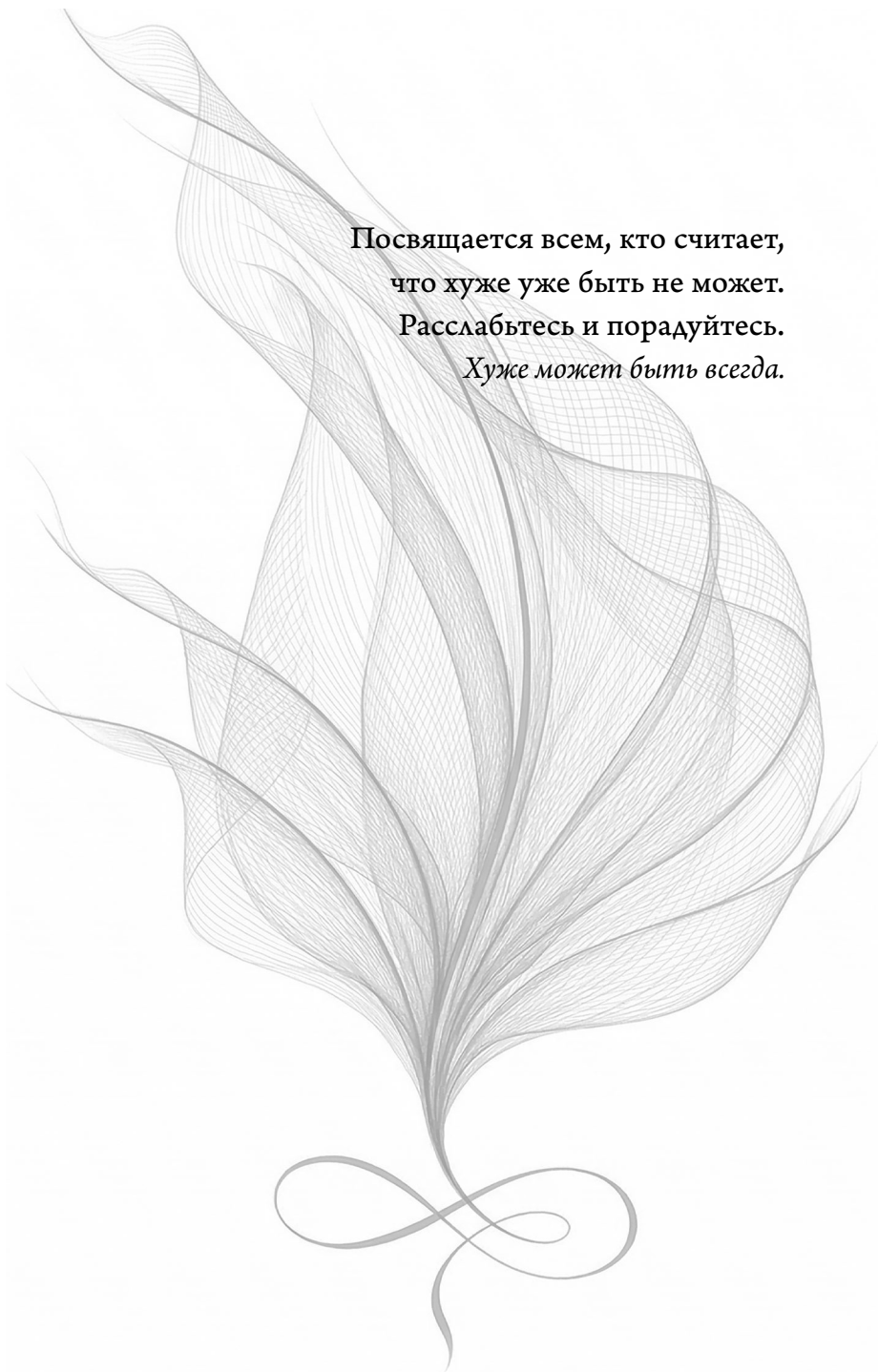
Я сказала «нет» тому, кто никогда не принимает отказов.
И теперь он поставил себе цель превратить мою и без
того непростую жизнь в настоящий ад. Он не остановится, не
отступит и не проявит милосердие, но я не готова сдаваться.
По крайней мере, без боя.

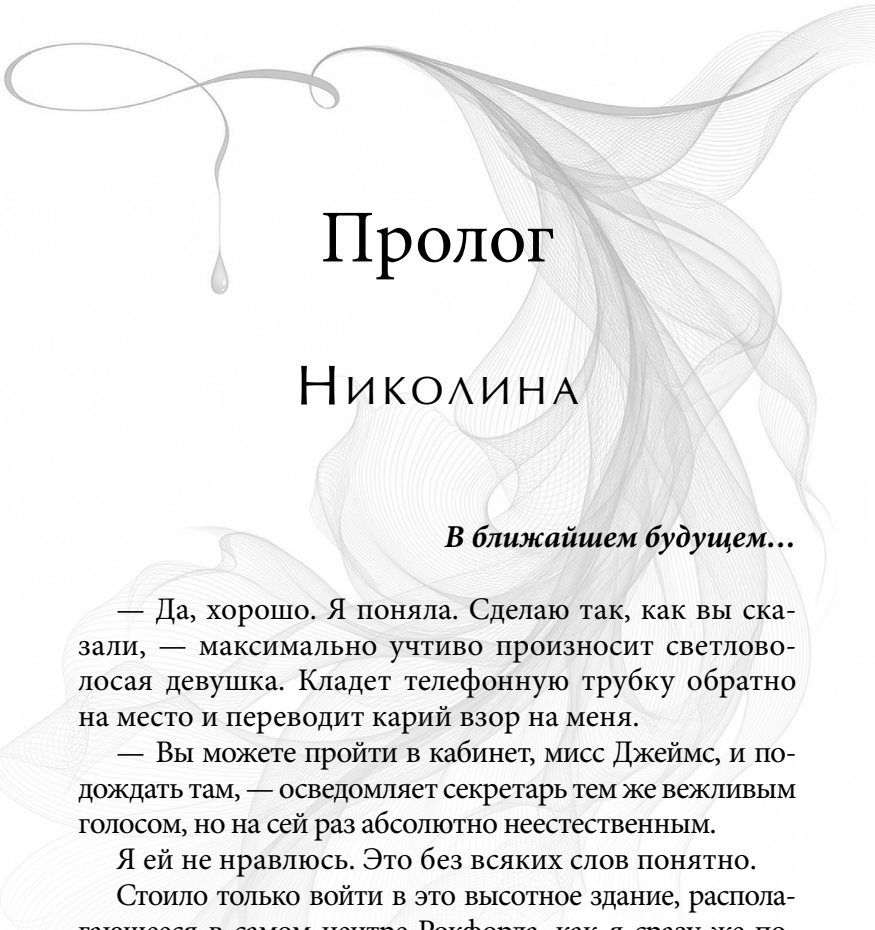
УДК 821.111-31(73)
ББК 84(2РОс=Рус)-44

ISBN 978-5-17-189851-9

© ООО «Издательство АСТ», 2026
© Майрон Т., 2026

Посвящается всем, кто считает,
что хуже уже быть не может.
Расслабьтесь и порадитесь.
Хуже может быть всегда.

Пролог

НИКОЛИНА

В ближайшем будущем...

— Да, хорошо. Я поняла. Сделаю так, как вы сказали, — максимально учтиво произносит светловолосая девушка. Кладет телефонную трубку обратно на место и переводит карий взор на меня.

— Вы можете пройти в кабинет, мисс Джеймс, и подождать там, — осведомляет секретарь тем же вежливым голосом, но на сей раз абсолютно неестественным.

Я ей не нравлюсь. Это без всяких слов понятно.

Стоило только войти в это высотное здание, располагающееся в самом центре Рокфорда, как я сразу же почувствовала себя белой вороной. А когда поднялась на верхний этаж, оказавшись в светлом, современно оформленном холле, это неприятное ощущение лишь усилилось.

Своим простоватым видом я сильно выделяюсь на фоне офисных красоток и солидно одетых мужчин, которые посматривают изучающе и явно думают, что я заблудившийся подросток.

Но я пришла точно по указанному в сообщении адресу и не уйду отсюда, пока не встречу того, кого надеялась больше никогда не видеть.

Мне глубоко безразличны недоуменные взгляды работников и откровенный вопрос в глазах секретарши: что такая изнуренная замухрышка с бледным лицом и разбитой бровью, как я, могла забыть в приемной президента многомиллиардной корпорации? Так же, как и ее пренебрежительное оценивание моего внешнего вида меня нисколько не удивляет и уж тем более не задевает. Только немного забавляет, когда я мысленно представляю вывалившиеся из орбит глаза блондинки, увидь она меня здесь в прежней пацанской одежде, если даже мой сегодняшний припаленный джинсовый сарафан и серебристые босоножки вызывают на ее лице плохо скрываемое сочувствие.

Она явно привыкла всегда одеваться с иголочки в наряды исключительно брендовых лейблов. Ее строгий брючный костюм теплого нюдового оттенка и элегантные лодочки на высоченных каблуках определенно в несколько раз превышают стоимость моей убогой квартиры.

— Желаете кофе или чай, мисс Джеймс? — продолжает свою дежурную вежливость девушка, пропуская меня в просторный кабинет.

Лаконичный интерьер заставляет испытывать незримое присутствие хозяина помещения. Спокойные серые тона, минимум необходимой для офиса мебели и полное отсутствие декора и личных вещей. Все строго, сдержанно, бездушно. Лишь окно во всю стену с видом на даунтаун придает комнате немного живости и света.

«Да... смотреть на всех свысока — тоже его любимое дело», — в уме безрадостно усмехаюсь я, вглядываясь в обширную панораму города. И се-

кунды не проходит, как она мысленно отправляет меня на несколько недель назад. Туда, где эта высотная картина Рокфорда заворожила меня впервые.

Если бы тогда я только знала, чем закончится для меня тот вечер... Если бы только знала.

— Мисс?.. Вы мне ответите? — Резкий голос секретарши заставляет собраться и затолкать болезненные воспоминания обратно в архив сознания, из которого им никогда нельзя позволять выбираться.

— Да... То есть... Нет, спасибо, мне ничего не надо, — хрипло выдавливаю я, принуждая себя хоть немного улыбнуться этой недовольной мимике.

— Хорошо, тогда я вас оставлю и вернусь к работе. Мистер Харт немного задержался на встрече, но он уже в пути, поэтому прибудет с минуты на минуту, — перед тем как закрыть за собой дверь, сообщает она красноречиво намекающим тоном, чтобы я даже не думала к чему-либо здесь прикасаться или еще лучше — пытаться украсть.

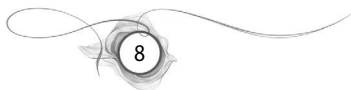
Идиотка!

Неужели тот факт, что я выгляжу не так презентабельно, как она и все ее важные коллеги, автоматически превращает меня в воровку?

Я не собираюсь здесь ничего трогать. Даже смотреть ни на что не хочу. Будь моя воля, ноги моей бы здесь никогда не было. Однако Адам Харт не из тех, кто интересуется чужими желаниями, и не тот, кто спрашивает и принимает отказы.

Нет.

Этот самодовольный властный наглец думает лишь о себе любимом и добивается желаемого любыми путями.

По-хорошему или по-плохому. И я та уникальная счастливица, которая сорвала джекпот и ощутила на собственной шкуре оба этих варианта.

Его «по-хорошему» для меня было схоже с ядерной бомбой, после взрыва которой я до сих пор отчаянно пытаюсь собрать себя по крупицам воедино, а «по-плохому»... Что ж... Как видите, этот способ достижения цели мистера Харта оказался более рабочим.

Я добровольно пришла к этому бессердечному мужчине и покорно жду его прихода, чтобы сделать то, что в нашу последнюю встречу с ним поклялась никогда не делать.

Я пришла его просить.

Я пришла продаваться.

И хочу напомнить, что я бы никогда не пошла на подобную мерзость, будь у меня хоть малейший шанс решить все проблемы иначе. Но шансов нет. Их никогда не было и не будет. Адам не позволит. А я не могу рисковать еще больше, особенно сейчас, когда он сумел отыскать мое слабое место и, правильно надавив на него, не оставить мне выбора.

Он выиграл.

Я проиграла.

И хотела бы я сказать, что наша игра наконец подошла к своему финалу. Но нет. Это только начало. Все еще только впереди. И как мне пережить следующие несколько месяцев с ним рядом — я, честно, не знаю. Но я должна это сделать: выдержать, чтобы наконец забыть о своем горьком, полном борьбы, нищеты и грязи прошлом и начать новую жизнь вдалеке от Рокфорда. Вдалеке от него.

Для того, чтобы выдержать нашу с ним интимную близость, оставив после истечения контракта от себя

хоть что-то желающее продолжать дышать и двигаться, мне нужно всегда помнить одну важную истину: мои чувства и желания — всего лишь иллюзия его «очарования». Пустышка. Дурман, без которого нет ничего настоящего. Теперь я точно это знаю. Знаю. И никогда не должна об этом забывать.

Никаких чувств, никаких эмоций, никакого общения.

Это всего лишь работа. Еще одна роль, которую мне нужно будет блестяще сыграть, притворившись той, кем я не являюсь. Она сделает все, что пожелает ее хозяин, пока Николина Джеймс внутри этой сдавшийся и покорной оболочки будет изо всех сил стараться не потерять себя настоящую.

Я не потеряю себя. Не потеряю. Не потеряю...

Пытаясь умиротворить нервную дрожь в теле, одними губами шепчу я и через пару десятков повторов этой успокоительной мантры вроде бы даже верить в нее начинаю. Жаль лишь, что совсем ненадолго.

Стоит услышать за спиной звук открывающейся двери и ощутить, как воздух в комнате в один миг превращается в пекло преисподней, я понимаю: лишь только гребаное чудо будет способно мне помочь остаться собой после этой работы.

— Нет, я сказал, нам это не подходит. Ищи другие варианты. — Его низкий голос прошибает меня до костей одновременно и жаром, и ознобом.

Разговаривая с кем-то по телефону, Харт закрывает за собой дверь и, не бросив на меня даже мимолетного взгляда, уверенно и абсолютно спокойно направляется к своему рабочему месту.

Во мне же тем временем разгорается настоящая битва между сознанием и телом, что мгновенно реа-

гирует на его присутствие. С первым же вдохом знакомого аромата мужского парфюма мои легкие обжигает огнем, а сердце резво подлетает к горлу, ускоряет свой ритм и наполняет вены сладким жарким томлением.

Чертовое тело предает, даже несмотря на всю боль, ненависть и злобу, что на протяжении последних недель захлестывали меня с головой каждый раз, когда Адам напоминал о себе не только в реальной жизни, но и в кратковременных галлюцинациях.

Но даже не это самое страшное и неподвластное моему контролю, а то, что я смотрю на его статную мужественную фигуру, до невозможности красивое лицо и вечно безукоризненный образ успешного бизнесмена и мечтаю треснуть себе по голове кочергой. Да как можно сильнее, чтобы разом отключить всепоглощающий трепет и четкое ощущение тоски.

Я не скучала по нему. Это все неправда. Неправда.

Нет этой тоски. Нет желания. Нет ничего. Есть только его магия.

— Надеюсь, ты все понял. Позвони, как только проверишь их материалы, — строго чеканит Харт.

Сбрасывает вызов и, словно только сейчас вспомнив о моем присутствии, наконец обращает на меня свой равнодушный взгляд.

— У тебя пятнадцать минут, Джеймс. Советую не терять времени и сразу переходить к делу. Зачем ты пришла? — спрашивает сволочь бесцветно-ровным голосом, будто не он сделал все возможное, чтобы я здесь оказалась с настойчивым желанием плясать под его дудку.

Быть сильной. Быть равнодушной. Не показывать ему гнева, раздражения и всецелого отторжения всего

происходящего. Помнить, для чего и самое главное — ради кого я сюда явилась.

Именно такие клятвы я дала себе и по дороге в его офис раз за разом повторяла. Я должна сыграть по его правилам и сказать все, что он так жаждет услышать. Должна, невзирая на съедающее меня чувство унижения. Должна, иначе не смогу спасти любимого человека.

— Я пришла просить тебя нанять меня на работу, — сдержанно заявляю я, с остервенением сжимая в кулаках ткань сарафана.

Уголки губ мистера Харта слегка приподнимаются в усмешке.

— Ну раз пришла, тогда проси. Времени у тебя осталось немного, — Он откидывается на спинку рабочего кресла, устремляя на меня выжидающий взгляд. Он молниеносно превращает всю кровь в теле в огненную лаву.

Все нормально. Меня его сила больше не пугает. Я знаю, как с ней справиться. Мое желание к нему реально.

Ни на секунду не теряя здравомыслия, всего на миг прикрываю веки и тихо выдыхаю, собирая все моральные силы в кулак.

— Пожалуйста, Адам, возьми меня к себе на работу, — с максимально умоляющей интонацией выдавливаю из себя эту жалкую просьбу, нещадно кусая себе щеку изнутри, чтобы не застонать от ощущения тотальной потери собственной гордости.

— И почему я должен это делать? В прошлый раз ты ясно дала понять, что никогда не попросишь об этом, — ехидно ухмыляется он в нарочитом стремлении разбередить мою бунтарскую сущность.

Но ничего не выйдет: он сам дал мне непоколебимый мотив выполнить все так, как надо, и суметь не поддаться его провокациям.

— Я была не права. Совсем не права, Адам, но я поняла свою ошибку и прошу тебя: возьми меня на работу, ведь единственное, чего я очень сильно хочу, — это доставлять тебе удовольствие везде, всегда и только так, как ты того пожелаешь.

Эти омерзительные слова вызывают нестерпимый зуд на языке и острое желание как можно быстрее промыть весь рот с мылом.

— Уверена, что сама этого хочешь? — Адам плавно приподнимается с кресла, обходит массивный стол и встает за моей спиной практически вплотную.

Я непроизвольно напрягаюсь и на несколько секунд перестаю дышать, ощущая крепость и жар мужского тела вместе с чарующим шлейфом его «притяжения».

— Уверена, — справившись с очередным стихийным наплывом возбуждения, выдыхаю и получаю короткую усмешку возле уха.

— Не верю, Джеймс. Будь убедительнее, я ведь знаю, ты это умеешь.

Его шепот вытягивает из памяти постыдные кадры моих действий во время нашей последней встречи. Они едва не срывают с моих губ протяжный стон, пропитанный стыдом и безмерной злостью.

— Мне на колени встать и попросить, чтобы ты поверил? — цежу сквозь зубы, довольно резко поворачиваясь к нему.

Запрокидываю голову, чтобы взглянуть в безэмоциональное лицо дьявола, а он смотрит на меня в ответ с высоты своего почти двухметрового роста

и как будто раздумывает о чем-то своем, опутывая меня теплыми сетями своего мистического взгляда.

Да... именно это тепло и стало тем самым главным обманом, что раскроил мне сердце и вывернул душу наизнанку. Вовсе не любовь горит в его глазах, не влюбленность и даже не симпатия... а похоть — одержимая, звериная, противоестественная. Она не позволит мне вытурить Адама Харта из своей жизни, пока я не дам ему насытиться собой сполна.

— Ответьте мне, пожалуйста, мистер Харт, — смягчив голос, я нарушаю затянувшееся между нами молчание. — Мне на колени встать и попросить? Скажите — и я это сделаю. Любой ваш приказ выполню незамедлительно и без каких-либо возражений. Приеду, куда потребуете, встану в любую позу, в рот возьму так глубоко, как вы того пожелаете, лишь бы вас полностью удовлетворили мои услуги. Прошу, возьмите меня на работу, и, клянусь, ваше наслаждение станет для меня главным смыслом жизни, — проговариваю твердо, без запинок и дрожи в голосе, пока в груди будто прожигает ядовитой кислотой, превращая внутренности в пепел.

Детально сканируя мое лицо, Харт продолжает молчать, заставляя отсчитывать быстрые удары моего сердца. Когда же он внезапно приподнимает руку к моей брови и слегка касается продольной раны, меня точно электрошокером прошибает от головы до пят, вынуждая резко ухватиться за его запястье.

И снова все повторяется: время теряет свое значение, мир утрачивает четкость, пока мы переплетаемся в поединке пронзительных взглядов, одинаково сильно не желая друг другу уступать.

Разница между нами лишь в том, что для Харта это ничего не значит и не составляет особого труда подчинять меня ментально, отравляя своей мужской энергией и мистическим шармом. Для меня же смотреть в его обсидианы — это ежесекундная, упорная, истязаящая душу борьба, которая подрывает уверенность в том, что он для меня в самом деле ничего не значит... так же, как и я для него.

Это все неправда! Между нами нет ничего настоящего. Помни об этом, Ники. Помни!

— Давайте договоримся, мистер Харт, — не выдержав нашего зрительного состязания, выдаю сквозь судорожный выдох. — Вы сможете прикасаться ко мне, как и когда вам заблагорассудится только после того, как наш рабочий контракт вступит в силу. Если, конечно, вы соизволите принять меня в свой многочисленный штат сотрудников.

Я резко отстраняю его руку от лица, и атмосфера в комнате накаляется до опасной отметки, а в черноте его глаз проявляется злость.

Злишь, Адам, злишь сколько влезет. Можешь хоть сгореть в костре своей ярости. Это все равно не сравнится с тем, что ты заставил меня пережить, и тем, что мне еще как-то предстоит вытерпеть.

Мне кажется, или я даже начинаю улыбаться? Похоже, да. Обидно только, что этот мастер контроля над эмоциями не позволяет долго насладиться видом своей злости.

Как всегда он с завидной легкостью справляется с негодованием и вновь окидывает меня надменным взглядом. Таким бездушным, словно не на человека смотрит, а оценивает качество товара, который пла-

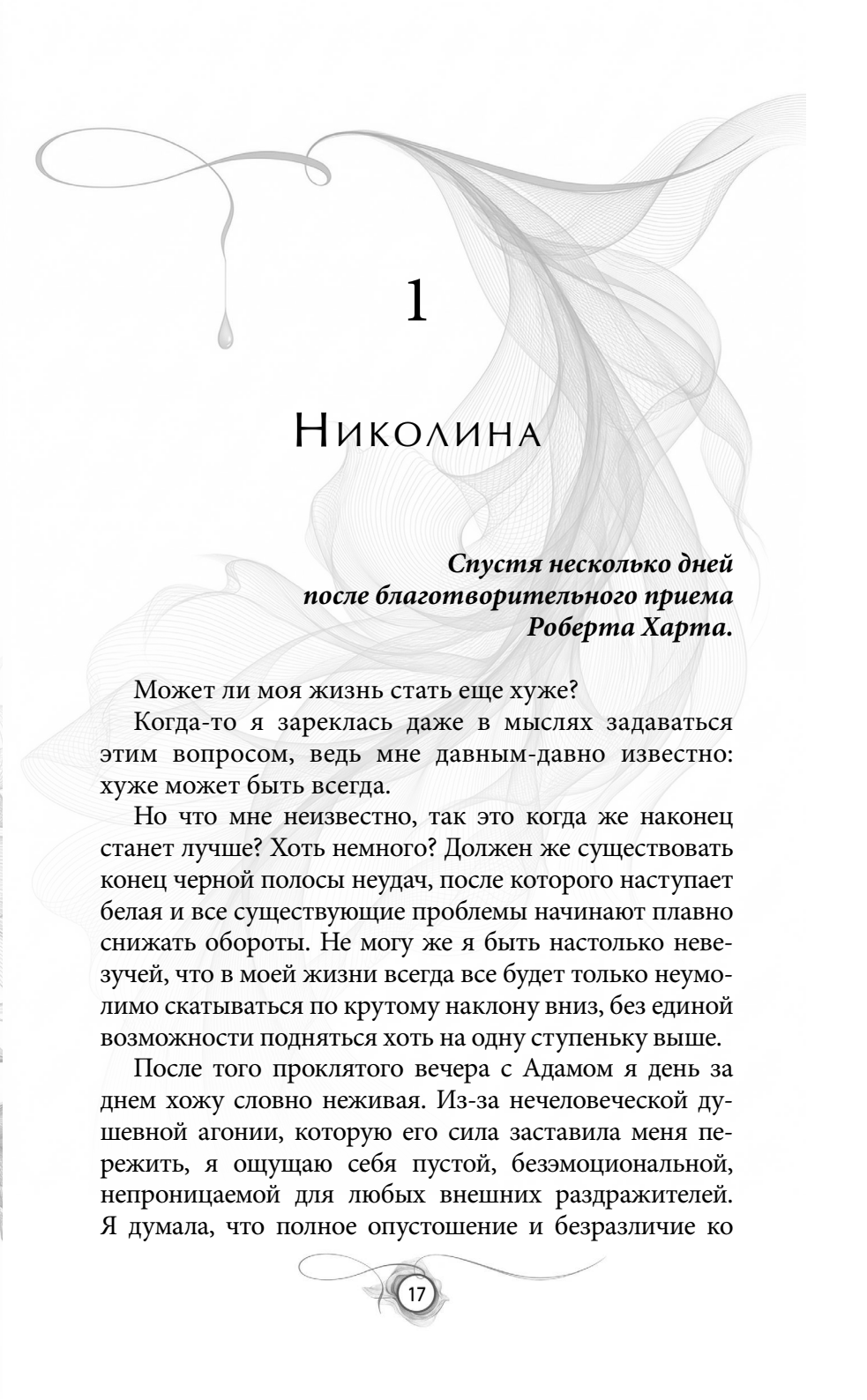
На поводу у сердца

нирует приобрести. Хотя... именно товаром я для него и являюсь.

Терпеливо и стойко выдержав его пристальный взгляд, я разрешаю себе облегченно выдохнуть, а телу — отмереть, лишь когда Харт завершает тщательный осмотр будущего приобретения и возвращается к рабочему столу, тут же нажимая на кнопку стационарного телефона.

— Сара, перенеси мою встречу с Грегором на другой день, — монотонно проговаривает Адам. Растягивает губы в своей фирменной страшно-красивой улыбке и смотрит на меня. — Присаживайтесь, мисс Джеймс, и мы прямо сейчас приступим к обсуждению условий вашего счастливого контракта.

1

НИКОЛИНА

*Спустя несколько дней
после благотворительного приема
Роберта Харта.*

Может ли моя жизнь стать еще хуже?

Когда-то я зареклась даже в мыслях задаваться этим вопросом, ведь мне давным-давно известно: хуже может быть всегда.

Но что мне неизвестно, так это когда же наконец станет лучше? Хоть немного? Должен же существовать конец черной полосы неудач, после которого наступает белая и все существующие проблемы начинают плавно снижать обороты. Не могу же я быть настолько невезучей, что в моей жизни всегда все будет только неумолимо скатываться по крутому наклону вниз, без единой возможности подняться хоть на одну ступеньку выше.

После того проклятого вечера с Адамом я день за днем хожу словно неживая. Из-за нечеловеческой душевной агонии, которую его сила заставила меня пережить, я ощущаю себя пустой, безэмоциональной, непроницаемой для любых внешних раздражителей. Я думала, что полное опустошение и безразличие ко